

Мысли о кризисе

А.А. Орлов

В статье автор размышляет о причинах и возможных последствиях современного финансово-экономического кризиса, охватившего значительную часть развитых стран мира, высказывает предположение, что кризис может принять форму хронического заболевания и растянуться на продолжительный период времени. В связи с этим, по мнению автора, необходимо серьезно задуматься о выработке принципов построения новой модели мировой экономики. Настоящие заметки ни в малейшей степени не претендуют на завершенность суждений и являются скорее приглашением к дискуссии на страницах «Вестника МГИМО-Университета», которая могла бы стать и весьма интересной, и не менее полезной.

В последние годы в международный политический лексикон прочно вошло словосочетание «дорожная карта», означающее план или программу действий обычно по выходу из той или иной кризисной ситуации. В «дорожной карте», как правило, обозначены конкретные этапы поступательного движения, предполагающие выполнение определенного набора требований и установок, относящихся к каждому из участков, на которые разбит весь маршрут, а также сроки реализации соответствующих задач. Далеко не всегда согласование «дорожной карты» приводит к достижению искомого результата – на пути зачастую оказывается изрядное количество объективных и искусственно создаваемых субъективных преград, но общее направление движения ясно, во всяком случае, даже для тех, кто не настроен на конструктивное сотрудничество, а прямо или косвенно ему противодействует.

Гораздо хуже бывает, когда «дорожной карты», при всех ее недостатках и минусах, не оказывается под рукой. В этом случае принимаемые решения, пусть даже они санкционированы главным и наиболее авторитетным международным органом – Советом Безопасности ООН, временами выглядят некой импровизацией, рутинным паллиативом, способным в лучшем случае на время «засушить»

ситуацию, но не найти ее долговременного и прочного решения. Отсутствие четкого видения путей выхода из конкретной кризисной ситуации – это все же частность. Но любая частность, пусть даже самая драматичная, несопоставима по своим последствиям с тем, когда возникают серьезные проблемы в понимании сути глобальных процессов. Именно с этим мы сталкиваемся в наши дни.

Мир стоит на перепутье, если не сказать, что в своем развитии он зашел в тупик. И это не просто аллегория, а констатация реального факта. Пути его дальнейшей эволюции неясны, а само будущее затянуто поволокой неопределенности.

Неолиберальная модель капитализма, альтернативно господствующая в мире после распада СССР и завершения противостояния двух социально-политических систем в связи с полным и окончательным крахом одной из них, как было принято считать еще совсем недавно, переживает глубочайший кризис. В наши дни становится очевидным, что существование СССР и лагеря его европейских союзников служило мощным стимулом для объединения Запада, нивелирования внутренних противоречий между составляющими его элементами и в целом для подстегивания развития ключевых направлений, определяющих жизнедеятельность современно-

■ Научные школы МГИМО

го государства, прежде всего науки и частично экономики.

Когда же мощный, объединяющий внешний раздражитель исчез и современный капитализм оказался один на один с целым комплексом проблем и противоречий, как объективных, органически присущих этой формации, так и частных, свойственных нашему времени, несовершенство неolibеральной модели, которая еще недавно презентовалась как едва ли не идеальная и даже итоговая в плане социально-экономического и политического развития общества, проявилось во всей своей полноте и многообразии.

Четыре года продолжаются безуспешные попытки западных политиков и обслуживающих их «мозговых центров» найти выход из нынешнего волнообразного кризиса, во многом сопоставимого с Великой депрессией первой половины прошлого века. Этот кризис, если принять во внимание целый ряд свойственных ему параметров, вполне можно охарактеризовать как Великую рецессию или, что было бы правильнее, как вторую Великую депрессию в истории современного капитализма. От шапкозакидательских оценок ряда аналитиков, относящихся к начальному этапу кризиса, выдержанных в том духе, что рыночная экономика сама в состоянии все расставить по местам, не осталось и следа. Более того, объективно нарастает кризис доверия к самому капитализму как жизнеспособной системе, отвечающей потребностям наступившего века. Особенно такие настроения свойственны части молодежи.

В западном экспертно-политическом сообществе все чаще можно услышать такие оценки, что мир столкнулся с кризисом или стагнацией новых идей по развитию современного общества. На такие мысли все чаще и больше наводят малоэффективные попытки западных лидеров решить возникшие глубокие, а точнее, глубинные проблемы с помощью привычного монетарного инструментария. Политика жесткой экономии в сочетании с попытками закачивания в экономики «проблемных» государств огромных масс ликвидности (происходящих в большинстве своем из публичных фондов) через частные, как правило, финансовые институты не приносят искомого результатов.

При этом, когда речь заходит о разрушительной роли современных рынков – прежде всего ценных бумаг, олицетворяющих в наше время виртуальную экономику, – для экономики реальной, большинство политиков и аналитиков делают вид, что этого не понимают или что такой проблемы не существует в принципе, хотя отделяющая реальную экономику от виртуальной, причем углубляющаяся с каждым годом пропасть есть одна из главных причин (если не главная) современного финансово-экономического кризиса. И от устранения этой причины в решающей степени будет зависеть выход из него.

Приведу для подтверждения этого тезиса весьма красноречивую выдержку из опубликованной во влиятельной мадридской газете «Эль

Паис»¹ статьи президента Попечительского совета испанского Фонда международных отношений и международного диалога Диего Идальго. «На глобальном уровне, – пишет автор, – когда надо назвать виновных (в мировом кризисе. – Прим. авт.), лучшие экономисты, такие, как профессор Гарвардской бизнес-школы (Harvard Business School) Брюс Скотт (Bruce Scott), отмечали в 2008 г., что финансовая система и рынки, не регулируемые с 1980-х гг., создали огромное фиктивное богатство: в то время как мировая экономика (мировой валовой продукт, реальные товары и услуги) составляет 50 триллионов евро, деривативы² превышают 4000 триллионов. Только 1/80 часть наименований того, что покупается и продается, приходится на реальные активы, а 79/80 не относится к тому, что, образно говоря, можно потрогать руками»³.

Из этого следует, что вся современная мировая экономика представляет собой средоточие пузырей – больших или поменьше, каждый из которых может лопнуть в любой момент. Как это произошло с пузырем в сфере недвижимости, взорвавшим сначала американскую, а затем и ряд европейских экономик, прежде всего испанскую. Это породило цепочку взаимосвязанных последствий, разорвать которую пока не удастся, несмотря на титанические усилия международных институтов и государств. Причем процесс здесь столь же неконтролируемый и трудно предсказуемый, как это было перед началом кризиса 2008 г. Тогда тоже кое-кто понимал, причем больше интуитивно, чем на «научной основе», что назревает какой-то катаклизм, и даже предупреждал об этом – правда, весьма неконкретно, как бы в общем плане. Однако никаких превентивных мер принято не было, да никто о них тогда всерьез и не думал. Только после начала кризиса экономисты принялись объяснять, почему случилась такая незадача. Но это тот самый случай, когда, как говорит русская пословица, «задним умом все сильны».

Небезынтересны размышления о нынешнем кризисе одного из ведущих современных экономистов, лауреата Нобелевской премии Пола Кругмана (Paul Krugman), изложенные в его бестселлере этого года, имеющем весьма претенциозное название: «*Остановить эту депрессию сейчас же!*» (оригинальное название книги на английском языке – «*End This Depression Now!*»). Будучи активным противником политики жесткой экономии как средства и пути выхода из кризиса, он напоминает, что идеологи подобного курса забыли основное правило Кейнса, гласящее, что «подъем, а не депрессия является временем для жесткой экономии». Сейчас же, по словам Кругмана, «обычным делом стало прибегать к политике жесткой экономии, разрушающей занятость». Поэтому, продолжает экономист, его «книга является попыткой порвать с этой деструктивной логикой и обоснованием необходимости проведения политики экспансии и создания новых рабочих мест»⁴.

Единственное, на что хотелось бы обратить внимание в этой связи, заключается в том, что оппоненты Кругмана не являются кейнсианцами,

и, видимо, поэтому его рецепты им не слишком близки. «До нынешнего кризиса, – отмечает далее Нобелевский лауреат, – худшим опытом для американской экономики со времен Великой депрессии было «двойное снижение» в период с 1979 по 1982 г. – две последовательные рецессии, которые лучше воспринимать как один кризис с непродолжительным оживлением посередине. В нижней точке этого кризиса в конце 1982 г. реальный ВВП был на 2 процентных пункта ниже предыдущего пика спада. Но экономика сделала сильный рывок и в течение двух последующих лет – в годы «расцвета в Америке» – прирост составлял по 7% годовых, после чего восстановились обычные темпы [экономического] роста. Великая рецессия – кризис, который охватывает период с конца 2007 г. по середину 2009 г., когда произошла стабилизация экономики, – была более выраженной и глубокой. В течение этих 18 месяцев реальный ВВП упал на 5%. Тем не менее, – продолжает американский экономист, – более важным обстоятельством является то, что после этого не последовало мощного скачка вперед, который бы компенсировал спад. После официального окончания рецессии (в США. – Прим. авт.) рост, напротив, был меньшим, чем обычно. Результатом является экономика, которая производит намного меньше, чем должна»⁵.

«В Европе, как и в США, – пишет далее Кругман, – депрессия затронула регионы неравномерно; зоны, в которых до кризиса образовались наибольшие пузыри, сегодня переживают более глубокую рецессию: можно сделать сравнения – Испания [в этом случае] будет европейской Флоридой, а Ирландия – Невадой. Но Законодательное собрание Флориды не имеет оснований для беспокойства по поводу сбора средств на оплату социальных и в области здравоохранения расходов, которые покроет федеральное правительство; Испания же, напротив, остается одна, равно как Греция, Португалия и Ирландия. Поэтому в Европе ослабленная экономика вызвала фискальные кризисы, в рамках которых частные инвесторы не проявляют заинтересованности вкладывать в определенные страны. И ответ на эти фискальные кризисы – отчаянное и дикое желание сократить расходы – подстегнул безработицу на всей европейской периферии до уровня Великой депрессии...»⁶.

Оценки Кругмана, сформулированные несколько месяцев назад, полностью подтверждаются тем, как развивается современный финансово-экономический кризис. Одним из главных экспериментальных объектов является в наши дни Испания, где пузырь в области недвижимости породил невиданный банковский кризис, для борьбы с которым страна была вынуждена обратиться за срочной финансовой помощью («спасением» – согласно используемой в испанских средствах массовой информации терминологии) к Евросоюзу. Общий объем подобной помощи, по оценкам специалистов, может достичь «круленькой» суммы в 100 млрд евро. Подобный шаг означает согласие испанских властей на ограничение финансовой

автономии Испании и передачу страной части своего экономического суверенитета в обмен на помощь определенным европейским институтам. В частности, испанские банки, куда будут «закачиваться» европейские деньги, окажутся под строгим контролем международной «тройки» в составе Еврокомиссии, Европейского Центробанка и МВФ.

Однако пока механизм «евроспасения» не дал результатов. Более того, консервативное правительство страны, следуя инструкциям из Брюсселя, вынуждено идти на дальнейшие весьма существенные бюджетные урезания. Это вызывает в испанском обществе растущее недовольство. Делаются соответствующие выводы и в национальном экспертном сообществе. Приведу выдержку из статьи в «Эль Паис» заведующего кафедрой экономики предприятия Мадридского автономного университета Эмилио Онтивероса, который, в частности, пишет: «И в самой Испании, и за ее пределами вполне очевидным является следующее: жесткая, сконцентрированная во времени бюджетная экономия, совпадающая с рецессией во всей еврозоне, не способствует быстрому восстановлению экономики. ... Ясно, что жесткая бюджетная экономия не имеет экспансивного характера в то время, когда все остальные меры не смягчают ее непосредственный депрессивный эффект (это уже совсем по Кейнсу. – Прим. авт.). Также мы знаем, какое принципиальное значение для состояния рынков акций и облигаций играют ожидания экономического роста»⁷. Особенно раздражает испанцев откровенное и грубое нарушение правительством консерваторов своих предвыборных обещаний, что, наряду с явно неудовлетворительным менеджментом в период кризиса, повышает уровень недоверия к нему со стороны инвесторов и руководства Евросоюза.

Однако немного отвлечемся от современного кризиса, чтобы затем посмотреть на него несколько в другой проекции. Классический либерализм отрицает любое государственное вмешательство в экономику и в личную жизнь индивида. В своей книге «*Правительство в будущем*» (оригинальное название на английском языке – «*Government in the Future*») знаменитый американский философ-теоретик и лингвист Ноам Хомски (Noam Chomsky) акцентирует внимание на труде, по его мнению, «одного из первых и наиболее блестящих» выразителей этого мировоззрения Вильгельма фон Гумбольдта «*Мысли о попытке определить границы действий государства*». Книга была написана в 1792 г., но увидела свет через без малого шесть десятилетий после этого. В этом сочинении автор утверждает, что государство является глубоко антигуманным институтом, поскольку стремится «отодвинуть в сторону индивидуальные цели человека и превратить его в простой инструмент, который служит осуществлению его [государства] самоуправных задач»⁸.

«По Гумбольдту, – отмечает Хомски, – ... человек рожден исследовать и созидать, и когда он ... решает делать это, следуя призывам своей собственной способности свободно выбирать, он прев-

■ Научные школы МГИМО

ращается, на свой лад, в художника, в то время как в противном случае он становится простым инструментом производства или хорошо обученным попугаем»⁹.

Далее Хомски отмечает, что «Гумбольдт не мог знать о тех формах, которые примет индустриальный капитализм. Поэтому в основополагающем труде о классическом либерализме он делает упор на проблеме ограничения власти Государства, но его открыто не волнуют опасности, которые несет в себе частная власть. ...Он не мог предположить (далее Хомски цитирует Рудольфа Рокера), что «демократия с ее лозунгом *о равенстве всех граждан перед законом* и либерализм с его девизом *о праве человека самому решать свою судьбу*, утонут, столкнувшись с интересами экономической формы капитализма»¹⁰.

Он также не мог предположить, продолжает Хомски о Гумбольдте, что «в условиях грабительской капиталистической экономики вмешательство государства станет абсолютной необходимостью с целью сохранить само существование человека и предотвратить разрушение его физического окружения». В развитие этого тезиса Хомски также цитирует Карла Полањи, по словам которого рынок, который всегда функционирует в соответствии со своими потребностями, «не мог бы существовать в течение длительного периода времени, не разрушая гуманной и естественной сути общества; он физически уничтожил бы человека и полностью разрушил бы его окружение»¹¹. Подводя итог, Хомски отмечает, что «в своей идеальной форме ...классическое либеральное мышление вступает в противоречие с концепцией индивидуализма, которая неотделима от капиталистической идеологии. По этой причине классическое либеральное мышление стремится устранить социальное принуждение и заменить его социальными связями...»¹².

У читателя может возникнуть вопрос: почему такое внимание в статье уделяется трудам Кругмана и Хомски? Ответ несложен: потому что, при всех особенностях их взглядов и даже различиях в них, они являются на сегодняшний день едва ли не самыми популярными авторами, труды которых с интересом читают в Европе. Во всяком случае, в Испании их произведения явно доминируют на полках специализированных книжных магазинов. Хотя многие работы, прежде всего Хомски, написаны не сегодня, их значение от этого не становится менее существенным для понимания совокупности проблем, приведших в конечном итоге к нынешнему кризису. Он ни в коей мере не является некой досадной случайностью, вызванной стечением ряда непредвиденных обстоятельств, а представляет собой вполне закономерный итог постепенной деградации неолиберальной модели современного капитализма. Последний рвет «социальные связи», о которых говорит Хомски, и вполне очевидно возвращается к «социальному принуждению», ставшему, как казалось, атрибутом истории в развитых странах, по крайней мере, полвека назад.

Продолжающийся кризис вернул в «старушку Европу» высокий уровень безработицы, социальные конфликты и даже нужду. О том, к чему может привести подобное развитие событий, размышляет Кругман. «Хотя современная ученая мысль связывает взлет Гитлера с гиперинфляцией в Германии в 1923 г., реально к власти его привела германская депрессия начала 1930-х гг., которая была более тяжелой, чем в остальной Европе, вследствие дефляционной политики канцлера Генриха Брюнинга», – полагает Кругман¹³. Далее он задается вопросом: «Может ли нечто подобное произойти сегодня?». По его мнению, «трудно поверить в то, что в XXI в. может случиться что-то столь же трагичное. Но было бы неразумно, – полагает Нобелевский лауреат, – принижать риски, которые продолжительная рецессия представляет для демократических ценностей и институтов. Во всем цивилизованном мире, – продолжает он, – произошел явный рост экстремистских настроений: набирают силу экстремистские выступления против иммигрантов, радикальные националистические движения, а также авторитарные проявления. Одна из западных наций – Венгрия – весьма преуспела на возвратном пути к авторитарному режиму, который напоминает о тех режимах, которые возникли во многих странах Европы в 1930-х гг. (прошлого века – Прим. авт.). И Соединенные Штаты, – считает Кругман, – не обладают иммунитетом от этих перемен. Может быть, кто-то будет отрицать, что Республиканская партия стала намного более экстремистской на протяжении последних лет?»¹⁴. Последнее более выглядит как утверждение, нежели как вопрос.

Успехи крайне правых, националистических партий, достигнутые ими в первой половине 2012 г. на президентских выборах во Франции и парламентских выборах в Греции, говорят в пользу того, что тенденция на усиление позиций правых радикалов в странах Евросоюза не ослабевает, а, напротив, становится более выраженной. Одновременно с этим в течение этого года в ряде европейских государств продолжала нарастать социальная напряженность. Налицо в целом нехарактерные для последних десятилетий открытые протестные выступления широких масс трудящихся, в том числе классического рабочего класса (пример: июльский 400-километровый марш астурийских шахтеров в Мадрид, где они были восторженно встречены десятками тысяч жителей испанской столицы), за свои социально-экономические права.

Нынешний кризис, таким образом, постепенно приобретает хрестоматийные формы: за экономической рецессией последовало углубление социальной напряженности, перерастающее в социально-политические баталии; одновременно с этим происходит поляризация политических сил, нарастает тенденция «вымывания» политического центра и усиления позиций политических флангов, включая радикалов с обеих сторон – и справа, и слева. Причем пик нестабильности еще далеко не пройден, и, возможно, мы находимся лишь в начальной фазе социальной напряженности.

Что касается межгосударственного аспекта, то в рамках Евросоюза оформился вполне очевидный водораздел между сравнительно благополучным севером во главе с Германией и «проблемным» югом в составе Греции, Испании, Португалии, Италии, Кипра и «прикнувшей к ним» Ирландии. Целый ряд стран оказался между ними, и в любой момент может пополнить каждую из этих групп с большей перспективой оказаться в менее престижном «дивизионе». По мнению целого ряда экспертов, это означает окончательное укоренение «Европы двух скоростей» в Евросоюзе.

Кризис затянулся и рискует перейти в форму хронического заболевания современной экономики с периодическими улучшениями, а затем обострениями ее состояния. Можно ли в этих условиях ограничиться отдельными поверхностными или половинчатыми по своей сути мерами, к которым до сих пор склоняются руководители ключевых государств и международных валютно-финансовых институтов, на долю которых выпало бремя принятия ответственных решений в столь непростых условиях? Думаю, что едва ли. Полумеры остались по ту сторону Рубикона, и для современной экономики они что-то вроде аспирина. Нужна принципиально новая модель организации мировой экономики, основанная – среди прочего, а может быть, и прежде всего – на мониторинге и контроле функционирования, в частности, рынков со стороны представительных международных и общественных институтов. Одновременно с этим, как бы ни сопротивлялись этому неолибералы, роль государства как основной регулирующей силы экономики на национальном уровне будет и в дальнейшем постоянно возрастать. В этой связи симптоматично, что Администрация Обамы в США в условиях кризиса весьма активно использовала рецепты «старика» Кейнса.

Современная экономика уже стала слишком сложной, объемной, многоликой, чтобы ее могли эффективно регулировать только и исключительно рыночные механизмы. К тому же появилось огромное количество дополнительных «вводных», весьма опосредованно относящихся к рынку или существенно искажающих его сигналы, что значительно понижает жизнеспособность существующей ныне системы.

Но новая модель не может появиться на пустом месте. Ее разработка потребует и времени, и немалых усилий. Однако возможна ли работа в этом направлении в принципе, с учетом того, что доминирование неолиберальных воззрений и в экономике, и в политике в наше время едва ли не тотальное? Ведь дело зачастую доходит до того, что высказать не мейнстримовскую мысль, не рискуя подвергнуться – в худшем случае – остракизму, а в лучшем – оказаться перед перспективой увидеть на лицах коллег и собеседников пренебрежительную ухмылку, сегодня решится не каждый.

Одновременно с этим в консервативных экспертно-политических кругах в наши дни весьма распространено суждение, что XXI в. – это не время идеологий, поскольку люди хотят только одного – хорошего управления. Смысл этой сентенции весьма созвучен основному тезису неоклассика Фукуямы о том, что социокультурная эволюция человечества завершилась, а существующая система является окончательной формой человеческого правления.

Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что сложившаяся в «развитом мире» политико-экономическая система устраивает определенную часть общества, прежде всего тех, кто обладают неисчислимыми богатствами. К примеру, хорошо известно, что одному проценту зажиточных американцев принадлежит более 37% национального достояния этой страны. Нечто подобное, вероятно, присуще и другим государствам. Но остальные, и прежде всего средний класс – социальная основа и опора современного западного общества, по которому нынешний кризис ударил особенно сильно, готовы ли они согласиться с тем, что сложившаяся система действительно является чуть ли не идеальной и что ничего менять не следует? Ответ на этот вопрос даст ближайшее будущее.

Что же касается новых идей, адекватных быстро меняющемуся миру, которые могли бы быть востребованы в наши дни, то их, по мнению многих экспертов, чрезвычайно мало не только на Западе, но и в других частях мира. Проводимый Китаем курс на «мирное восхождение», как отмечают аналитики, является лишь локальной концепцией, не претендующей на изменение основ современного миропорядка. Ничего реально значимого не предложили и другие «восходящие гиганты» из БРИКС – Индия, Бразилия и ЮАР, хотя, казалось бы, сейчас для них подходящее время заявить о себе во весь голос. Не выходит за рамки сложившегося экономического неоклассицизма и Россия, по-прежнему выстраивающая свою экономическую политику в духе хорошо известных рецептов, широко применявшихся еще в 90-х гг. прошлого века.

Как пишет в уже упоминавшейся «Эль Паис» известный испанский аналитик Х.И. Торребланка, «список влиятельных книг, появившихся в последние годы, известен. Это: «*Столкновение цивилизаций*» Сэмюэля Хантингтона (Samuel P. Huntington); «*Конец истории и последний человек*» Фрэнсиса Фукуямы (Francis Fukuyama); «*Мягкая сила*» Джозефа Ная (Joseph Nye); «*Плоский мир*» Томаса Фридмана (Thomas Friedman); ... «*Возвращение истории и конец снов*» Роберта Кагана (Robert Kagan); «*Наступающая анархия*» Роберта Каплана (Robert Kaplan)»¹⁵. Добавим к этому списку труды Ноама Хомски и Пола Кругмана, который, кстати, проявил себя в нынешнюю кризисную пору также как прекрасный газетный обозреватель и публицист, и, пожалуй, Фариды Закария (Fareed Zakaria), получившего широкую известность после опубликования книги «*Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за их пределами*».

■ Научные школы МГИМО

К сожалению, среди авторов, оказывающих более или менее значимое воздействие на настроения мирового общественного мнения, уже давно нет российских имен. В далеком, чуть ли не мифическом прошлом остались те благодатные времена, когда Россия находилась в авангарде мировых идейно-политических процессов, когда российских мыслителей знала вся тогдашняя политическая и научная ойкумена. Застой мысли стал одной из главных причин краха Советского Союза, который являлся материальным выражением в XX в. великого государства, формировавшегося более тысячелетия и олицетворявшего собой одно из ведущих направлений развития человеческой цивилизации.

Повторение в той или иной степени подобного сюжета в современных условиях недопустимо, ибо сопряжено с риском окончательного разрушения российской государственности. Все это накладывает дополнительную ответственность на мыслящую часть нашего общества.

Orlov A.A. *Thoughts About the Crisis.*

Summary: *The author analyses the causes and possible consequences of the actual financial and economic crisis, expresses the opinion that it can take a form of chronic disease and have significant duration of time. In opinion of the author, it's necessary now to take adequate measures to elaborate principles of new world economic model.*

Ключевые слова

Финансово-экономический кризис, Великая депрессия, рецессия, неолиберальная модель, кейнсианство, Евросоюз.

Keywords

Financial and economic crisis, Great Depression, Recession, Neoliberal Model, European Union.

Примечания

1. Используемые в настоящей статье цитаты из иностранных источников приводятся в переводе автора.
 2. Производный финансовый инструмент (дериватив) (англ. Derivative) — финансовый инструмент, цены или условия которого базируются на соответствующих параметрах другого финансового инструмента, который будет являться базовым. Обычно целью покупки дериватива является не получение базового актива, а получение дохода от изменения его цены. Отличительная особенность деривативов в том, что их количество не обязательно совпадает с количеством базового инструмента. Эмитенты базового актива обычно не имеют никакого отношения к выпуску деривативов. Например, суммарное количество контрактов CFD на акции организации может в несколько раз превышать количество выпущенных акций, при этом само это акционерное общество (АО) не выпускает и не торгует деривативами на свои акции (www.forexaw.com).
 3. Hidalgo, Diego. Crisis, culpables y soluciones.// «El País», 7 de julio de 2011. P. 27.
 4. Krugman, Paul. ¡Acabad ya con esta crisis! (издание книги на испанском языке). Barcelona, CRÍTICA S.L., 2012. P. 11.
 5. Ibidem. P. 23.
 6. Ibidem. P. 28.
 7. Ontiveros, Emilio. España intervenida.//elpais.com/elpais/2012/07/11/opinion/1342027919_811269.html
 8. Chomsky, Noam. El gobierno en el futuro (издание книги на испанском языке). Barcelona, Editorial Anagrama, 2005. P. 10.
 9. Ibidem. P. 13.
 10. Ibidem. P. 16.
 11. Ibidem. PP. 16-17.
 12. Ibidem. PP. 22-23.
 13. Krugman Paul. Op. cit., P. 28.
 14. Ibidem. P. 29.
 15. Torreblanca, Jose Ignacio. Una Europa sin ideas.// «El País», 8 de junio de 2012.P. 4.
-